

ритъ, «для того, чтобы найти составляющія силы, равные составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной» (VI, 238); но если, по его словамъ, исторію дѣлаютъ *всѣ*, то въ числѣ этихъ «всѣхъ» находятся и тѣ самые люди, которымъ онъ приписываетъ чисто призрачную роль въ своей теоріи, хотя ему и *кажется*, что имъ принадлежитъ особая сила. Между прочимъ, послѣдняя заключается въ томъ, что они являются носителями тѣхъ или другихъ общественныхъ идей; но гр. Толстой предрѣшаетъ вопросъ о роли идей въ исторіи, напр., въ словахъ: «какая-то неопредѣлимая сила, называемая идеей» (VI, 240). Все идеиное какъ-то не дается въ исторіи гр. Толстому, не даромъ же онъ и въ поэзіи особенный мастеръ въ анализѣ безсознательныхъ психическихъ процессовъ, господствующихъ подчасъ надъ яснымъ голосомъ сознанія, а общественная дѣятельность единицъ какъ разъ и руководится идеями. Весьма поэтому существенно, что гр. Толстой уничтожить въ своей исторической философіи и личную инициативу, предполагающую сознательную дѣятельность. — уничтожить во имя той же безсознательно-стихійной стороны исторіи, къ которой сведеть все, и которую обѣявить «закономъ».

Личная инициатива есть освобожденіе отъ рутины, господствующей, какъ законъ, именно въ массовой жизни, освобожденіе отъ дѣятельности, направляемой исключительно однимъ стихійнымъ ходомъ исторіи¹⁾. Общественная рутинка, стихійный ходъ исторіи — суть силы роковые, которая держать въ оковахъ людей, лишенныхъ собственной инициативы, и эти-то силы гр.

¹⁾) „Основн. вопр. фил. ист.“, *passim*.